

Об Менделееве - Иркутск - 1993г - Номер 4 - стр. 9

О нем писали.

Поначалу — с нескрываемым изумлением (слепой музыкант из сибирской глубинки, выпускник Новосибирской консерватории), потом — с восторгом (лауреат международного конкурса композиторов, облаканный чехами), потом — спокойно и привычно: композитор Тепляков; сегодня вспоминают и спокойно, и редко.

Его песни звучат по радио, на концертных площадках, в телевизионных эстрадных программах.

Не исполняется главное: прелюдии и фуги для фортепьяно, струнный квартет, сочинения для хора или, как он их называет, хоровые поэмы...

Я потревожил его семейство в нелучший для него период: многомесячная депрессия, творческое молчание, обыкновенное, каждодневное зарабатывание на хлеб в качестве руководителя народного оркестра при обществе слепых и — концертмейстера при детском театре «Малышок».

— Тысяч двадцать на все семейство у нас выходит, — похвастался он. Но тут же, пристыженный женой, поправился: — Тысяч шестнадцать...

На троих — на жену, попавшую под сокращение и зачисленную в статус безработных, на тринадцатилетнюю дочь да на него самого — по моим прикидкам — мизер.

Я бы жаловался, Тепляков посмеивается и, приложившись к рюмочке, мечтает о добром дяде, который купил бы ему такую музыкальную штурмовину, которая называется «Стемплер» и на которой он мог бы писать такую музыку, какую слышит.

Живя в России и сочиняя музыку, при доходе в шестнадцать тысяч, следует поступать именно таким образом — мечтать только о миллионах (если иметь в виду рубли), или тысячах (если знать, что этот самый «Стемплер» тянет на восемь тысяч долларов).

— Можно было бы повозиться с песенками, — говорит он, — сделать что-нибудь кабацкое, лихое, популярное...

Он ставит кассету со своими давнишними записями: скрипка, гитара, ударные; где дочери Ирочки...

Мне нравится, а он пыхтит: не так, не то, не о том.

Он слышит то, что вряд ли сумею расслышать я.

— Последние? — спросил-посетовал он, когда я, прикуривая, тряхнул почти пустым коробком (на звук определил!); махом стянул с полки нужную книжицу (услышал ее, что ли?), ни на каплю не обделил себя, встречаясь с рюмочкой...

В его тонком, под Эль Греко,

ривать себя спеть «Кукушку».

Тепляков играет старательно обыкновенно, как бы отработывая, но, незаметно для себя, заводится, возвращается к удачным фразам, варьирует, резвится, кайфует.

Его песни с грустинкой, с отчаянкой, как раз такие, чтобы подставить под них очерствевшую душу, рвануть на себе рубаху, всплакнуть, пожалеть себя, пожалеть себя и других — всех

мир, взял да заикнулся о своем участии в днях чехословацкой музыки (престижную премию ему как раз чехи и выдавали), но давний приятель напомнил: «Ты ведь не профессионал!»

Господи, до чего мы смешные люди: профессиональный статус творца определяем по удостоверениям!

Да был бы Тепляков давным-давно членом Союза композиторов, кабы имел пробойную силу,

МЕЧТА О ДОЛЛАРАХ ДЛЯ ТЕПЛЯКОВА

лице отражается то, что обыкновенно отражается в глазах: смех, разочарование, надежда, печаль, удивление, лукавство, радость; не лицо — око, сплошь — вглядывание: в звук, а через него — в линию, объем, горизонт, время...

Он без интереса относится к Моцарту, с любовью — к Баху, с любопытством — к раннему, «русскому», Прокофьеву, с восторгом к Малеру (скупил пластинки с его музыкой по уценке за копейки!); ценит Томаса Манна, особо его «Волшебную гору», само собой, «Доктора Фаустуса», но никак не одолеет «Иосифа и его братьев»... Вообще его притягивают средневековые, немцы, выверенная стройность и благородная строгость их дерзких и таинственных сочинений.

Он никак не возьмет в толк Пушкина, пишет музыку на стихи Кузнецовой, Скифа, Лебедева — по этому поводу посмеивается над собой, оправдывается Чайковским, чьи романсы почти сплошь на стихи третьестепенных поэтов.

Все это, действительно, смешно, но лишь до тех пор, пока он кочевряжится — не сдается на уговоры ударить по клавишам, сесть за старенький, обшарпанный «Енисей», пока его Ирочка (она с уважением относится к Баху, Малеру, группе «Кар-Мэн», и композитору Теплякову) — пока его доченька, под стать ему, заставляет угова-

разом.

Это могло бы звучать в ресторанчике — при скрипке, флейточке, фортепьяно.

Можно было бы сделать из этого несколько вечеров.

— Я бы играл, — улыбается он, — что в том плохого?

Я прикидываю, как можно было бы обставить такие его вечера, сыграть на публику печальным фактажем его счастливой судьбы, приодеть его подобающим образом... но здесь опять нужен добрый дядя, умный режиссер.

— Я бы играл, — настаивает он.

А все бы слушали, думаю я, благодарили, платили.

За хорошую музыку надо платить — так, чтобы хороший композитор Анатолий Тепляков хорошо заработал, слетал в Москву, купил необходимый «Стемплер», не выходя из дома записал свои песенки, и они пришли бы — такими, какими он их слышит, в наши дома, уставшие от телевизионных дебатов российского парламента.

Я мечтаю о долларах для Теплякова!

Его Валентина говорит, что обещали помочь: комитет по культуре, «Байкалит», братья Голышевы, кто-то еще, неудобно называть: вдруг откажут?

Ясно, что Тепляков лишний раз никому не позвонит, ни у кого ничего не попросит. Однажды, после того, как прогрел со своей музыкой на весь

да кабы не жалел свою Валентину: не обученная нотной грамоте, она — единственная, кто пишет тепляковские клавиры — ни-че-го-се-бе-ра-бо-тен-ка!..

Я, конечно, никакой не авторитет, но спросите Павлова или Якушенку, Соколова или Янковскую, на худой конец, кого-нибудь из тех, кто выделил его из многих тысяч на международном конкурсе (конкурс-то был тайный: имя автора открывалось лишь после того, как оценивалась его музыка!) — спросите любого, понимающего толк в этом деле, и они скажут (мне говорили!), что Анатолий Тепляков стоит того, чтобы принимать в нем участие.

Потому и не возьму в толк, отчего не прочитаны должным образом его хоры (десять хоро-вых поэм!) в Иркутске, где работают такие мастера, как Шипунов и Шарлова?

Может, стоит с этими хорами повозиться?

Или опять обращаться к чехам? Или — японцам? Или — китайцам?

Ау, иркутские Мамонтовы! Вы и без меня знаете, что к творцам надобно позванивать — справляться о здоровье, напрашиваться в гости, приезжать с ящиком шампанского и деловым предложением.

Творцы одаривают музыкой!

Анатолий КОБЕНКОВ.